

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ Д. И. ПИСАРЕВА

Сообщение Б. Козьмина

Публикуемое нами письмо¹ знаменитого критика адресовано его родственнице и ближайшему другу его детских и юношеских лет Р. А. Кореновой. Последняя в течение продолжительного времени жила в семействе Писаревых и настолько сблизилась с его членами, что это семейство сделалось для нее как бы ее собственным. Недаром мать Писарева не только в те годы, но и позднее она звала не иначе, как татап. Сверстница Д. И. Писарева, она была для него человеком, с которым он привык откровенно делиться мыслями и впечатлениями, — не менее, а может быть, даже более откровенно, чем с матерью и с сестрой Верой. Детская симпатия его к Кореновой очень рано переросла в любовь. Писарев смотрел на Кореневу, как на будущую подругу своей жизни. Она казалась ему представительницей типа новой женщины. Что касается Кореновой, то она отвечала дружбой на чувство Писарева, но колебалась принять на себя обязательство стать в будущем его женою. Мечтам Писарева не суждено было осуществиться. Коренева увлеклась другим человеком и вышла за него замуж. Хорошо известно, как болезненно переживал Писарев эту «измену» и как долго он не мог примириться с нею.

Публикуемое нами письмо относится ко времени, когда соперник Писарева еще не появлялся на сцене и когда Коренева была для Писарева самым близким человеком.

Письмо это имеет характер дневника. В течение восьми дней писал его Писарев, занося на его страницы отчет о своем времяпровождении. Можно предполагать, что такой же характер имели и другие письма его к Кореновой. Его переписка с нею представляла бы большой интерес для его биографов. Однако, к сожалению, она не дошла до нас. Позднее, после разрыва с Писаревым, когда он сидел уже в Петропавловской крепости и когда его родные готовы были видеть в измене Кореновой чуть ли не основную причину всех злоключений, постигших его, Коренева сожгла все имевшиеся у нее его письма, чтобы они «не попадались на глаза и не будили воспоминаний, подчас горьких, но большею частью тяжелых и желчных» (в кавычках слова из ее неопубликованного письма к В. Д. Писаревой от 18 мая 1863 г.). Только одно публикуемое нами письмо Писарева к Кореновой каким-то образом случайно уцелело и дошло до нас.

Письмо это было написано Писаревым в октябре 1858 г. Из биографии Писарева известно, что в этом году он переживал серьезный умственный кризис, отразившийся на его дальнейшем духовном развитии. Зимой 1857—1858 г. Писарев, бывший в то время студентом второго курса университета, сблизился с товарищами своими по курсу, образовавшими студенческий кружок довольно необычного для того времени характера. Дело в том, что в те годы большинство русской учащейся молодежи горячо интересовалось вопросами общественной жизни и находилось под влиянием герценовского «Колокола», с одной стороны, и революционной проповеди Чернышевского и Добролюбова, с другой. Товарищи же Писарева по курсу мечтали о науке, стоящей выше всяких общественных интересов. По свидетельству одного из них, впоследствии известного критика

А. М. Скабичевского, это были «постепеновцы и заклятые враги каких бы то ни было увлечений и крайностей». «Приверженцы чистой науки и чистого искусства, — пишет Скабичевский, — они всецело отрицали сапиру и требовали, чтобы поэты изображали одни положительные стороны жизни и, чуждые ненависти и злобы, возбуждали одни эстетические эмоции... В научной же области уважалась крайняя специализация при кропотливо-строгой разработке мелких фактиков. Наибольшую вражду постепеновцы питали к «Современнику». К его сотрудникам они относились свысока и с презрением. На себя они смотрели, как на будущих ученых, и не думали ни о какой другой карьере, кроме профессорской» («Литературные воспоминания», М.—Л., 1928 г., стр. 112—113).

Писарев вполне разделял убеждения и надежды своих товарищей. И он, как и они, мечтал сделаться «жрецом науки». Однако, осенью 1858 г. в его жизни произошло событие, которое привело к полному разрыву с прежними товарищами. Он получил приглашение принять на себя ведение библиографического отдела вновь возникающего «журнала для девиц» — «Рассвет». Как рассказывает сам Писарев в статье «Наша университетская наука», на первых порах он взглянул на эту работу исключительно с денежной стороны. «Мои библиографические статейки, — пишет он, — оплачивались по 30 р. с. за печатный лист и доставляли мне ежемесячно от 60 до 70 р. с. Для студента, бегавшего в публичную библиотеку, чтобы не издержать пяти рублей на книгу, это была целая Калифорния. Я ухватился за эту работу обеими руками и старался выполнить ее, как можно тщательней и аккуратней, чтоб удержать и обеспечить ее за собой». По мере же того, как Писарев начал выполнять свою новую работу, она стала увлекать его, он «привязался к ней искренно и сильно». «Мне было приятно, — сознается он, — всматриваться и вдумываться в чтение книг и журнальных статей, потому что я видел перед собой близкую и вполне доступную цель этого всматривания и вдумывания. Мне было приятно развивать на бумаге мои мысли и взгляды, потому что они были действительно мои» (Избранные сочинения, 1934, т. I, стр. 368).

Товарищи Писарева отнеслись с осуждением к этому его увлечению. Они говорили ему, что журнальная работа «отводит человека от науки и повергает его в пустословие и пагубный дилетантизм». «Мне указывали с соболезнаванием, — пишет Писарев, — на поучительный пример Добролюбова, который, видите ли, мог быть дельным ученым, а вместо этого сделался пустым журналистом и увлекся суетой «Современника» (Назв. изд., стр. 369—370).

Однако, ни уговоры, ни осуждение товарищей не повлияли на Писарева. Журнальная работа все более втягивала его, и вскоре он убедился, что «один год этой работы принес больше пользы его умственному развитию, нежели два года усиленных занятий в университете и в библиотеке». (Назв. изд., стр. 372).

Публикуемое нами письмо написано Писаревым в самом начале его журнальной деятельности. В нем Писарев рассказывает Кореновой о своих первых рецензиях, написанных для журнала «Рассвет». Как видно из письма, Писарев в это время еще не расстался с мечтами об ученой карьере. Однако, уже с первых шагов литературная работа настолько увлекла Писарева, что в нем, наряду со старыми мечтами, появляются новые — сделаться рецензентом, критиком и журналистом. Таким образом это письмо было написано в дни, когда у Писарева зародились первые сомнения в правильности намеченного ранее пути, когда обнаружили первые расхождения между ним и его университетскими товарищами. С течением времени эти расхождения углублялись, а сомнения нарастали, и кончилось тем, что журнальная работа помогла Писареву «выйти на свежий воздух из душных монастырских стен университетской науки». (Назв. изд., стр. 361).

[1858 г.]

8 октября. Сегодня я не пошел в унив[ерситет], потому что, кроме лекции Коссовича², из которой я ничего не понял бы, других не было. В 11-м часу отправился я к Майкову³ и до 2½ часов сидел у него за исправлением Гумбольд[т]а⁴. Придя домой, я принялся за работу Кремпину⁵ и написал разбор статьи: «Н. Б. Долгорукова», которую я прочел сегодня утром в 1-м номере «Отечеств[енных] Запис[ок]» нынешнего года⁶. Я бы тебе советовал, душа моя Раица, ежели попадетсЯ эта книга, прочесть статью «Наталья Борисовна Долгорукова». Это замечательный характер, одна из лучших наших русских женщин, да и время-то очень интересное: Петр II и начало царствования Анны Иоановны. Сегодня получили письмо из Бреста от брата Трескина, ушедшего с эскадрой на Амур. Теперь Коля⁷ пишет к нему; я между тем написал свою рецензию и прочел ее Коле; тот остался доволен, что меня очень ободрило. Нужно будет прочесть и Кремпину: ежели это будет годиться, тогда я решительно делаюсь библиографом.

9 октября. Четверг для меня решительно счастливый день. На прошлой неделе, в четверг, я получил первое письмо твое, теперь получаю сегодня второе. Оно меня чрезвычайно обрадовало; конечно, заключающиеся в нем известия обрадовали еще больше получения самого письма. Слава богу, бабушка, что вы здоровы; не нужно вас ничем беспокоить; поверь, что я с своей стороны буду вести себя так умно, так осторожно, как нельзя лучше. Что касается до т р а в ы, я пишу тебе в предыдущем письме⁸. Отсутствие надежды не выгонит чувства, но это чувство, поверь, не будет тебе в тягость, а на меня будет иметь самое благотворное влияние. Ты, с своей стороны, сделала все что могла, чтобы уничтожить его или, по крайней мере, отнять всякую надежду. К чему загадывать о будущем, да еще о таком отдаленном будущем. Настоящее, право, хорошо. Теперь работа, научные занятия, а впереди лето, каникулы. О чем же тут толковать? Меня в твоём письме удивляет то, что ты хочешь всю зиму сидеть сурком; разве доктор приказал это. Напротив, мне кажется, тебе было бы полезно прохаживаться в ясные дни; зимний воздух, особенно в наших местах, очень укрепляет; надобно только теплее одеваться. Душечка, исполни мою просьбу: посоветуйся об этом с доктором (в Ислен[ьеве] живет Трейтер) и сделай, как он прикажет. Ты, кажется, ленива одеваться и ходишь закутанная, да победи же себя в этом. Ведь это может принести тебе пользу. Благодарю от души за просьбу о стихах; они отправлены с письмом вчера, но только в Хмырово. Не знаю, успеешь ли ты получить письмо. Если оно будет перехвачено Р. П.⁹, и она не пришлет тебе его, то все равно: напиши, и я пришло тебе другой экземпляр. Впрочем, жаль, ежели ты не получишь последнего моего письма, оно написано в обширных размерах. Боюсь я за твою поездку в Грунец¹⁰ не наделала бы она тебе беспокойств. Касательно Р. П. ты, конечно, прекрасно сделала; но со мною случилось, кажется, всего один раз забыть написать ей любезность. Во всех других письмах она упоминается. Твое письмо напомнило мне экзамен Никитенки¹¹, о котором, признаюсь, все забыли. Вероятно, его совсем не будет, т. е. наверное не будет. Ты мне желаешь силы воли и поменьше воображения. Первое верно и благодарю за него. А, второго, право, желать не за чем. Я не сделаю никакого сумасбродства, не отниму у себя времени от избытка воображения. Je suis trop allemand pour cela, il faut convenir, хоть и горько. Je te dis que je vois les choses comme elles sont, et n'en parlons plus¹².

Это только воду толочь. Сегодня читал в «От [естественных] Зап [исках]» статью Ковалевского: «Картины Италии»¹³. Это тоже для моей библиографии. Славная вещь. В университете слышал я лекцию греч[еской]

литературы и потом Срезневск[ого]¹⁴, от которого у меня голова разболелась. Можешь себе представить самые мелочные факты (например, когда был написан договор с греками, в 971 или 972 году), перепутанные разными остротами и анекдотиками и рассказанные в таком беспорядке, что не только записать, а даже понять нельзя, куда все это клонится. Однако, до свидания, пора за работу.

Работа шла очень успешно. Я кончил чтение статьи «Картины Италии» и написал такую рецензию, которую Коля нашел почти превосходной. Когда я прочел ее, он просто изумился. — «Молодец, Митька. Да какой же ты шарлатан! Ты выйдешь отличным рецензентом». — Такая похвала со стороны Трескина, который постоянно ругает меня — это важная вещь, которая очень ободрила меня, тем более, что статья моя была написана в течение полутора часа, почти без помарок и изменений. Раиза, ведь это славно, душа моя. Завтра утром отправлюсь к Кремпину и прочту ему две первые статьи свои. Ежели он их одобрит, я сделаюсь библиографом. Ты не можешь себе представить, как это будет мне приятно, ежели я, будучи еще студентом, поставлю себя независимо в денежном отношении. Это так много содействует самостоятельности. В декабре у меня наверно будут деньги, но как я дотяну до тех пор, не знаю. Вся надежда на дядю А. Д. Писал я сегодня к К. И., но он обыкновенно опаздывает высылкою денег. — Трескин теперь говорит всякий вздор; говорит, что он поедет на лето на Кавказ, что сделается винным откупщиком, что может быть останется на лето в Петербурге, ежели это будет полезно в научном отношении; на что я ему говорю, что ему пора спать, что он заводится и чтоб он умолк. Трескин отвечает: «с тобой говорить нельзя, потому что ты обо всем превратно судишь».

А я сегодня вечером, кроме статьи, прочел две лекции Guizo¹⁵ и с Трескиным два действия «Макбета» Шекспира.

10 октября. Занялся поутру переводом в «Подснежник»¹⁶, потом в 10 часов с трепетным сердцем отправился к Кремпину на Петербургскую. Прихожу, застаю его дома и объявляю, что желаю прочесть ему две статьи свои, написанные в виде опыта. Он усадил меня, подал чаю, я прочел «Нат[алью] Бор[исовну]» и «Картины Италии». — Прекрасно-с! Совершенно то, что мне нужно. Я тут изложил ему свое мнение о том направлении, которое должна иметь наша библиография и чем она должна отличаться от библиографии других журналов. Там, говорю я, пишут о предмете статьи, как о вещи всем известной; а мы непременно должны сначала в самой рецензии знакомить наших читательниц с этим предметом, иначе статья и рецензия будут непонятны. Кроме того, таким образом, самая библиография, будет иметь значение не как указание, а как самостоятельный отдел. — Та же мысль, говорит Кремпин, пришла в голову нам с Классовским¹⁷. — Очень рад, говорю я. Стало быть, я понимаю основную идею и направление вашего журнала. — Вы совершенно угадали и поняли его.

После некоторых взаимных комплиментов, Кремп[ин] встает, затворяет дверь: — Теперь, говорит он, позвольте условиться в цене. Как вам угодно, чтоб я платил вам: по месяцам или по листам? — Ежели вы будете платить помесечно, отвечаю я, между нами могут произойти недоразумения. Вы можете найти, что я написал слишком мало. Лучше будет платить с листа. Дело будет чище. — Хорошо. Сколько же? — Назначайте сами. — Нет, скажите вы. — Вам покажется, может быть, дорого, говорю я, 35 руб. сер. — Гм! Я плачу Класовскому 40, но он взял на себя разбор книг по всем четырем литературам. — Английской журналистики я взять на себя не могу, а франц[узскую] и нем[ецкую] беру. — Хорошо-с! Но ведь то Класовский. Одно имя дорого. Ежели хотите, я положил от 25 до

30 р. с. — Я согласен на 30. — Извольте. — Ударили по рукам. — А сколько листов в месяц моей библиографии? — Да листа по два. — Таким образом я с января 1859 г. могу получать в месяц руб[лей] по 50, не считая того, что могу зарабатывать в других местах. Кроме того, я достал работы Трескину, перевод с франц[узского] рубл[ей] по 10 за лист. За английский платят 16 р. сер. Не хочешь ли принять участие. Отвечай мне пожалуйста на это, в состоянии ли ты переводить с англ[ийского]. О чистоте русского языка не очень заботься; я выправлю, как следует. Ты этим не шути, душа моя Раиза; это поможет занятию англ[ийским] яз[ыком], укрепит тебя в звании русского и принесет денег. Отвечай мне на это. Да расхвали ты Над[ежде] Ив[ановне] «Рассвет», чтоб она выписала его для Юлиньки. Скажи, что я рекомандую его. Журнал действительно хорош. Надо поддержать это предприятие. Я тебе буду очень благодарен, ежели доставишь подписчиков. Это поддержит Кремп[ина], а через Кремп[ина] и меня. Отвечай поскорей на счет переводов, можешь ли ты взяться. Печатный лист 16 стр[аниц]. Был у меня вечером Скабичевский¹⁸, ему, бедному, скучно жить одному, и он приходит к нам поговорить, душу отвести; меня радует то, что ему весело бывать у нас. И мы так хорошо говорим, то посмеемся, то серьезно поспорим о важных предметах. Я в этот вечер начал разбор статьи Аппельрота «Воспитание женщин среднего и высшего состоянья»¹⁹. Писал я после ухода Скабичевского, но часто увлекался своим сюжетом и часто приходилось перемарывать.

11 октября. В унив[ерситете] слушал я Стасюл[евича]²⁰ и Благовещ[енского]²¹. Не хотелось мне итти в унив[ерситет]. Аппельрот не давал мне покоя и все убеждал сесть и кончать рецензию, но я сказал, что это не должно, победил себя и пошел в унив[ерситет]. Там Полевой²² спрашивает у меня: люблю ли я танцевать. — Я говорю, что отчего же? Можно. — Приходи ко мне часов в 9 и пойдем. — Куда? — В очень порядочный дом. А мундир есть? — Есть, но надо навести справки насчет его положения. Во всяком случае дольше 9 не жди меня. — На том и порешили. Пристал ко мне сегодня Литке²³, студент, который уже много раз звал меня к себе и обещал непременно заехать ко мне, потому, де, что я жду первого визита. Литке этот — сын адмирала, генерал-адъютанта, очень важного господина. Навязывается знакомство, ну пускай. — Прихожу домой, снимаю мундир, но критический взгляд убеждает меня, что мундир несостоятелен, и я без малейшей горести, даже с некоторым удовольствием, решил остаться дома. Боюсь сделаться совершенным сиднем, медведем, потерять l'usage du monde²⁴.

Около времени обеда получаю от Артемьева²⁵ письмо, в котором он приглашает меня на завтрашний день к обеду, и извещает, что будет m-lle Vera²⁶. Поедем. — Я выносил в себе мысли об Аппельроте, спокойно принялся за дело и написал статью, которую Трескин нашел вполне удовлетворительною, а местами и художественною. Но повозился я с этой статьею довольно и вышла она довольно большая. Потом я прочел несколько страниц романа «Два года назад»²⁷ с англ[ийского], тоже для Кремпина; наконец, после чаю с истинным удовольствием занялся Гумб[ольдтом] и прочел 23 стр. Теперь до свидания; я доволен своим днем. Написал еще к татап.

12 окт[ября]. Сегодня воскресенье и до 3-х часов я просижу дома, а потом к Арт[емьеву]. Прочел я сегодня 1-ю часть «Два года назад». Кажется, хорошенькая вещица. Отец Трескин особенно в духе сегодня и целое утро шутит с двумя кадетиками, своими племянниками; Коля читает Тацита, и мы изредка перекидываемся словами. Сегодня прекрасный солнечный день, и я имею обыкновение смотреть на твой портрет в солнечном луче; так он особенно симпатичен. Губы краснее, цвет лица свежее, даже

выражение меняется. Я никогда не видал такого подвижного портрета. Я сейчас пришел от Арт[емьева], видел m-lle Веру и признаюсь, по описанию маман, ожидал найти больше. Очень любезна, вспомнили старые годы, и она мне объявила, что когда она прослушает свой курс у Troubot, то будет со мною спорить и переспорит. Но жантильничает она по-прежнему и к несчастью неудачно. Вообще она мне не нравится и я даже нахожу, что приятнее было сидеть, как в прошлый раз с Арт[емьевым] и Яблочковым²⁸. Думал я в Вере найти женщину молодого, нового поколения, с светлым, гуманным взглядом на вещи. Нет, не то. И в суждениях об . . . * и в эманципационном вопросе — аристократические предрассудки, которым радуется, которые старается поддержать Ник[олай] Вас[ильевич]. — Нет, до сих пор я видел одну женщину нового поколения, но не знаю, увижу ли другую. Яблочков гораздо более Ник[олая] Вас[ильевича] современный человек, человек образованный, «вечный студент»; как назвал его сам Ник[олай] Вас[ильевич]. Мы вместе с ним спорили против Арт[емьева] и Веры. Часов в 6½ мы ушли, а Н. В. поехал куда-то с Верой. Яблочков[ов] просил меня зайти к нему. Я зашел, мы напились чаю, поговорили; он спросил у меня, читают ли у нас на факультете политическую экономию. — Нет. — Он предложил, или лучше сказать, навязал мне книгу о политической экономии; надо будет прочесть, это в самом деле важная вещь, необходимая для образованного человека. Прочту в часы досуга. — Пришел домой; у Коли сидит студент Семенников²⁹, гимназический товарищ его и член собраний Семечкина³⁰, о котором я тебе говорил. Славный и умный малый, но с ним скучно сидеть, потому что он ужасно молчалив и как-то неуклюж в умственном отношении. К тому же мне хотелось писать к тебе, хотелось заниматься, и потому я был очень рад, когда он ушел. До свидания, бабуся.

13 октября. Сегодня у нас нет лекций; утром я читал Тацита, потом перевел несколько страниц для «Подснежника»; часа в 2 из летучей библиотеки принесли две другие книжки «Отеч[ественных] Зап[исок]». Я прочел 2-ю статью Ковалевского: «Путешествие из Венеции в Рим» и написал свою библиографическую статью, но когда я прочел ее Трескину, он нашел, что она чрезвычайно бесцветна; я согласился с ним и задумался, но статьи не переделал, а взял читать Гумб[ольдта]. Но статья беспокоила меня и почти не давала мне вникать в смысл того, что я читал. Однако, я победил себя, перечитывал по три раза непонятные места и наконец достиг цели, прочел две главы. Потом сел писать к тебе, а статья все не поправлена, не переделана и беспокоит меня. Главное тревожит меня мысль: что, ежели я исписался, что ежели весь мой талант ушел на первые три статейки. Что ежели изменит надежда на библиографию. Не правда ли, какая горестная мысль? Увидим, прав ли я в этой мысли. Сажусь за статью.

Статья удалась действительно, впрочем я не читал ее Коле, да не хочется надоедать ему; у нас сейчас, в эту минуту происходит довольно неприятный и колкий разговор. Дело в том, что я опять предложил Трескину, когда он стал говорить, что у него дурно идет греч[еский] яз[ык], заняться с ним, говоря, что полчаса времени мне ничего не значит. Он по обыкновению отказался и сказал, что в эти полчаса я могу перевести целый столбец. Я заметил ему, что с его стороны неделикатно мерять мое время на деньги, тем более, что он сам упрекал меня в том, что я много времени употребляю на денежные работы. Он постарался выпутаться из этого затруднения, но довольно неловко и неудачно. Кончилось тем, что я сказал ему: очень жаль, душа моя, а я принужден лишить себя твоей помощи, которая мне очень нужна. Я уже теперь не решусь просить тебя

* Одно слово не разобрано. — Б. К.

выслушивать мои статьи и теряю таким образом драгоценного критика. Но ты так дорожишь моим временем, что я должен быть так же великодушен в отношении к тебе. — Хотелось подействовать с этой стороны, но Трескин упрям как бык; он дошел до того убеждения, что надобно владеть собою до такой степени, чтобы всякое слово, всякое движение делалось вследствие мысли, но эта теория пускается в дело только против моего предложения и скоро разбивается о мои доводы; тогда человек, владеющий собою, сердится и отворачивается, между тем как я человек минуты, самолюбие которого еще задето вдобавок, остаюсь холоден и логичен. Смешнее всего, что спросишь после этого: Коля, ты сердисься? — и получишь в ответ:— Я не имею права сердиться на кого бы то ни было; — верный признак, что сердится. Теперь заснул. Прощай, душа моя.

14 октября. Мы с Колей, конечно, помирились, т. е. и не вспоминали о горячем разговоре. Я пошел в унив[ерситет] в 10½ часов, а до тех пор писал об одной новости, которую рекомендую тебе с отличной стороны: «Наследство тетушки» Весеньева³¹, в марте 1858 г. в «Отеч[ественных] Зап[исках]». В унив[ерситете] я нашел письмо от Виленского³², в котором он просит меня зайти к нему, говоря, что ожидает от меня величайшей услуги. Зайду завтра или после завтра. Не знаю только, что ему может быть нужно. Выслушал я лекцию Благовещ[енского]. Потом наступили две лекции Срезн[евского], до того убийственные, что мы с следующего же раза будем ходить по очереди, Трескин, Полевой, Замысловский³³ и я, так что на четвертых будут одни записки. Я высидел свое время, совершенно отупел от этих двух лекций, так что за обедом m-me Treskine спрашивала: что с вами? После обеда мне предстояло дальнейшее путешествие в типографию, чтоб отнести продолжение Гумб[ольдта] для печати; это путешествие после лекций Срезн[евского] являлось мне особенно страшным, тем более, что расстроенное положение моих финансов не позволяло мне ехать. J'ai pris mon courage à deux mains et je suis allé³⁴, и прогулка только освежила меня. Две лекции Гизо после прихода домой, возня с Колей, письмо к тебе и окончание статьи «о тетушке» заключают мой день. А скверно, что денег не присылают. M-me Treskine уже заплатила за перешивку моего пальто на теплое, а теперь в скором времени придется платить за отдельные оттиски Гумб[ольдта]; нужно будет занимать, а это мне не нравится. — Видел я сегодня в унив[ерситете] студента Федорова, который рассказал мне, что он видел в одном обществе Кремпина и что тот сильно расхваливал меня. Это мне приятно. Сегодня в первый раз явился в унив[ерситет] Б а л а ш о в, тип хлыща, один из моих товарищей по Марьиной роще, с которым я пил Bruderschaft и с тех пор на ты³⁵. Я давно заметил его отсутствие и думал, что он вышел из унив[ерситета]. Я нашел в нем перемену. Нос сделался особенно сивым, да и не мудрено, мальчик кутит. Что ему делать, когда 80.000 годового дохода и ограниченные способности. Литке у меня еще не был; я первый не отправлюсь к нему. Надо держать себя гордо и осторожно с людьми, которые богаче и знатнее. Мне ужасно хотелось прочесть Трескину мою статью, но я удержался и победил себя. Прощай, ангел мой. Кажется, это письмо похоже на переписку об сороке, но ведь, всякие события ежедневной жизни обрисовывают характер человека. А знаешь, какая мысль меня преследует часто, когда я занят работой. — Я все думаю, какой предмет я выберу для кандидатской диссертации и из чего буду держать экзамен на магистра. Меня серьезно тревожит отсутствие специальности. Я было отказался разрабатывать арабских писателей, говоривших о славянах, но потом передумал и непременно возьму (это работа, которую мы давно начали у Срезневск[ого]), потому что у меня нет специальности; я хочу приучить себя к приемам ученых трудов и может быть за-

интересуюсь вопросами, которые разработаю. — Макушев, славянофил, торжествует, что я понял это намерение³⁶.

15 октября я. У меня сегодня опять свободный день, и я с утра сел за Гумб[ольдта] и прочел 15 стр[аниц]. Вслед за тем прочел в «Отеч[ественных] Зап[исках]» «Деревенские письма»³⁷. Звонок. Приходит Петр³⁸ и приносит мне повестку, адресованную в дом Шеристапова; из этого обстоятельства я заключил, что деньги посланы папашею, потому что он жил в том самом доме, где я живу и знал его под именем Шерист[апова]. Денег посылается мне 20 р. сер. Я опять подивился своему счастью. Только что я написал к тебе о своем безденежьи, и являются деньги. Чтение и сидение на одном месте утомили меня. Я решился пойти к Вил[енскому] в департамент и отправился. Подхожу к унив[ерситету], оттуда выходят Трескин и Скабич[евский]. Я хотел идти дальше, но мне объявили, что Дворцовый мост разведен, и я тотчас же вернулся домой с товарищами. Скабич[евский] зашел к нам, его оставили обедать и он просидел до 4½ часов. Мы много говорили о наших религиозных убеждениях³⁹, и Скабич[евский], который был то фанатиком, то аскетом, и вообще горячая голова, рассказал нам о всех своих метаморфозах⁴⁰ ни с кем как-то так не вяжется разговор, как между нами тремя. После ухода Скабич[евского] я написал об «Дерев[енских] письм[ах]», и, как и те две статьи, не прочел Трескину. Он сам не просит об этом, а навязываться я не хочу. Не подозревай, впрочем, охлаждения между нами. Мы попрежнему целуемся, нежничаем и деремся; но занятия наши совершенно разделены. Вечером получил я первое письмо от маман. Маман была в Задонске⁴¹, сделала лотерею и, слава богу, здорова. Она недовольна, что я пробыл долго в Москве⁴². Вероятно дядя С. И.⁴³ написал ей, когда я выехал. Впрочем, это ничего не значит. Постоянные, аккуратные письма мои и хорошие известия о ходе моих занятий смягчат маман и успокоят ее. Она даже не знает о судьбе экзамена Никитенки, несмотря на то, что я писал об этом в первом же письме. Это, конечно, тревожит ее. — Потом, сегодня вечером я читал статью «Оливер Гольдсмит»⁴⁴, но напишу о ней завтра. Сегодня спать лора. Завтра из летучей библиотеки придут за книгами, но я отдам только одну из них. Работа идет успешно вперед; на-днях нужно будет повидаться с Кремпиным, чтобы прочесть произведения моего пера, а то я не доверяюсь собственной критике. Автор часто бывает пристрастен. До свиданья, ангел мой Раизинька. Крепко обнимаю тебя. От души желаю успехов в англ[ийском] яз[ыке] и прошу уведомить на счет переводов. Да спроси ты у доктора насчет прогулок зимою. Ежели вздумается, пиши. Знаешь, твои письма дороги.

Frère et ami D. Pissarew

Что-то будет завтрашний четверг. Ведь это счастливый день мой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящее письмо печатается с оригинала, хранящегося в рукописном отделе Библиотеки имени В. И. Ленина.

² Коссович Казан Андреевич (1813—1883) — профессор санскритского языка Петербургского университета.

³ Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — товарищ Писарева по университету, впоследствии историк литературы, академик.

⁴ «Гумбольдт» — студенческое сочинение Писарева «Вильгельм Гумбольдт»; напечатано в «Сборнике, издаваемом студентами Петербургского университета» т. II, СПб., 1861 г.

⁵ Кремпин Валериан Александрович (ум. в 1889 г.) — журналист, издатель журнала «Рассвет».

⁶ «Н. Б. Долгорукова» — статья Я. Г. Е — а «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова» в № 1 «Отечественных Записок» 1858 г. Писарев написал для «Рас-

света» (№ 1 за 1859 г.) отзыв об этой статье, перепечатанный в павленковском собрании его сочинений, т. I, стр. 7—8.

⁷ Коля — Трескин Николай Алексеевич (1839—1894), товарищ Писарева по университету, впоследствии педагог и автор книг для детей. В 1858 г. Писарев жил на квартире Трескиных.

⁸ Предыдущее письмо Писарева к Кореновой не сохранилось; поэтому установить значение слова «травы» не представляется возможным. Может быть, Писарев обещал Кореновой в изъявлении своих чувств к ней быть «ниже травы».

⁹ Р. П. — Раиса Павловна, тетка Р. А. Кореновой, у которой последняя одно время жила.

¹⁰ Грунец — имение Писаревых в Тульской губернии, в котором они жили с 1850 г.

¹¹ Никитенко Александр Васильевич (1805—1877) — профессор истории литературы Петербургского университета.

¹² Я слишком немец для этого, надо в этом сознаться... Я успокою тебя в этом отношении, как ты о том просишь. Говорю тебе, что я вижу вещи, как они действительно существуют, и не будем больше говорить об этом.

¹³ Статья П. Ковалевского «Картины Италии» была напечатана в №№ 2, 3, 6 и 12 «Отечественных Записок» за 1858 г.; рецензия Писарева на эту статью была помещена в № 1 «Рассвета» за 1859 г., в собрание его сочинений эта рецензия не вошла.

¹⁴ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — славист, профессор Петербургского университета; в статье Писарева «Наша университетская наука» выведен под фамилией Сварожича.

¹⁵ Guizot — известная книга Гизо «Histoire générale de la civilisation en Europe».

¹⁶ «Подснежник» — журнал для детей, издававшийся в Петербурге в 1858—1862 гг. В. Н. Майковым, братом товарища Писарева Л. Н. Майкова. О сотрудничестве Писарева в качестве переводчика в этом журнале до сих пор не было известно.

¹⁷ Класовский — повидимому, Класовский Владимир Игнатьевич (1815—1877), педагог-филолог, преподаватель средних учебных заведений.

¹⁸ Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — товарищ Писарева по университету, впоследствии литературный критик.

¹⁹ Статья Апфельбота была напечатана в № 2 «Отечественных Записок» за 1858 г., а рецензия на нее Писарева — в № 1 «Рассвета» за 1859 г.; рецензия эта перепечатана в собрании его сочинений, т. I, стр. 9—15.

²⁰ Стасюлевич Максим Малвеевич (1826—1911) — историк, профессор Петербургского университета; в статье Писарева «Наша университетская наука» выведен под фамилией Иронианского.

²¹ Благовещенский Николай Михайлович (1826—1892) — филолог, профессор греческой словесности Петербургского университета.

²² Полевой Петр Николаевич (1839—1902) — товарищ Писарева по университету, впоследствии беллетрист, историк литературы и драматург.

²³ Литке — граф Литке Константин Федорович (ум. в 1892), сын адмирала Федора Петровича Литке, впоследствии был редактором «Известий» географического общества.

²⁴ Светские привычки.

²⁵ Артемьев Николай Васильевич — тульский помещик, большой друг родителей Писарева.

²⁶ M-me Vera — Вера Николаевна Артемьева, дочь Н. В. Артемьева.

²⁷ «Два года назад» — роман английского писателя Ч. Кингсли; перевод этого романа печатался в 1858 г. в «Отечественных Записках».

²⁸ Яблочков — родственник жены Н. В. Артемьева.

²⁹ Семенников Петр Иванович (ум. в 1900) — впоследствии владелец библиотеки в Петербурге.

³⁰ Семечкин — товарищ Трескина и Скабичевского по Ларинской гимназии, организовавший гимназический кружок для самообразования под названием кружок «мыслящих людей».

³¹ Ив. Весеньев — псевдоним Софьи Дмитриевны Хвоцинской (1828—1865); рецензия Писарева на ее повесть была напечатана в № 1 «Рассвета» 1859 г. и перепечатана в т. I Собрания сочинений, стр. 15—18.

³² Виленский — кто-то из семьи орловских помещиков Виленских (Виленских), дальних родственников Писарева по матери.

³³ Замысловский Егор Егорович (1841—1896) — товарищ Писарева по университету; впоследствии профессор русской истории Петербургского университета.

³⁴ Я взял себя в руки и пошел.

³⁵ Балашев Иван Петрович — крупный землевладелец, впоследствии обер-егермейстер и почетный член Академии Художеств. Об отношениях между ним и Писаревым ничего неизвестно. Марьино роща — окраина Москвы.

³⁶ Макушев Викентий Васильевич (1837—1883) — товарищ Писарева по университету, впоследствии славист, профессор Варшавского университета. Об увлечении его в университетские годы славянством Писарев рассказывает в статье «Наша университетская наука». См. «Избранные сочинения», т. I, М., 1934 г., стр. 362—363.

³⁷ «Деревенские письма» — статья, напечатанная в № 4 «Отечественных Записок» за 1858 г. за подписью: П. С[умароков].

³⁸ Петр — лакей Трескиных.

³⁹ В оригинале описка: «убеждений».

⁴⁰ О своих религиозных убеждениях и метаморфозах Скабичевский рассказывал в своих воспоминаниях. См. «Литературные воспоминания», М.—Л., 1928 г., стр. 107—109.

⁴¹ В. Д. Писарева часто ездила в Задонск, где жили ее свекровь Праксисья Александровна Писарева и сестра Е. Д. Данилова.

⁴² Повидимому, проездом через Москву Писарев задержался для свидания с Р. А. Кореновой.

⁴³ Дядя С. И. — повидимому, Сергей Иванович Писарев, брат отца Писарева.

⁴⁴ «Оливер Гольдсмит» — анонимная статья, напечатанная в № 4 «Отечественных Записок» за 1858 г. в отделе «Смесь».